УДК 167

ПОЛИФОКАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Павлов Александр Валентинович,
Тюменский государственный университет, профессор кафедры философии, доктор философских наук, профессор, г. Тюмень, Россия.
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Аннотация
В статье очерчиваются контуры парадигмы социальной философии и общесоциологической теории современности, пригодной в качестве методологической основы социальных исследований в России.

Ключевые понятия:
полифокальная парадигма, Я-субъект, площадка, навязанная коммуникация, общественная жизнь, социальный мир.

Однажды лебедь, рак и щука
Везти с поклажей воз взялись.

И.А. Крылов.

1.

Подход к исследованию общественной жизни в России, представленный в данной статье, отчасти перекликается с идеями фигурации Н. Элиаса [1; 8], мозаичной культуры А. Моля [4], полифокальной социологии [7] и развивает концепцию современности, кратко изложенную в «Заметках о современности и субъективности» [5; 6]. Как показывалось в «Заметках», современность – это Я-субъективность, ее проблемы и ее связь с другими Я-субъектами, понятая и формально как сеть коммуникаций, и содержательно как экзистенциальный полилог.

Очевидно, исследования в контексте одной только современности так же абстрактны, как и аналогичные работы с позиций исключительно исторического подхода, созданные в теории формации и многих теориях цивилизации. Однако если исторический подход к общественной жизни в российской социальной философии прекрасно развит благодаря марксизму, то о теории современности этого сказать нельзя.

И как следствие, историзм, абстрагированный от современности, вынуждает любое социокультурное явление рассматривать под углом его неизбежного самоуничтожения в силу внутренней противоречивости, и этим, лишая его смысла, делать изначально нелегитимным. Абстрактный историзм как бы повторяет Екклесиаста с его знаменитым рефреном: «Всё – суета и томление духа. Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?». А причина проста: вопрос о смысле и ценности имеет значение только для живых человеческих индивидов, имеющих своё бытие в современности, даже если они в поисках смысла создают историю. У истоков же историзма не живые, а абстрактные индивиды с однотипными интересами, группирующиеся в массы и классы. У абстрактного индивида смысл подменяется формальной целью.

Для того чтобы любой историзм – идеалистический, марксистский или какой-либо другой – полноценно работал и не терял легитимности в глазах людей, он должен вырастать из тщательно развернутой теории современности. В этой статье мне бы хотелось показать возможность концептуального представления общественной жизни в аспекте именно современности, на основе органичной для нее полифокальной парадигмы.

Полифокальная («многофокусная») парадигма в своих исходных основаниях, в силу неотрывного от нее индивидуализма, может быть представлена только метафорически. Ее рационально-теоретическое конструирование неизбежно предполагает базовую метафору, дающую возможность осуществить редукцию теории к личному опыту, а значит, и провести параллель между экзистенциальным опытом общественной жизни человека и ее модельным представлением. А такой опыт, в свою очередь, продукт экзистенциального диалога и полилога, такого соучастия индивидов, в котором каждый из них, опираясь на ограниченные знания о партнере, творчески создает целостное представление о нем, позволяющее предвосхищать и его возможную активность.

Общественная жизнь в самом простом виде является отношением между Я-субъектами. Уже по этой причине, потому что субъекты как свое необходимое качество имеют свободу, понимаемую прежде всего в смысле их определенности по отношению к другим субъектам и обладания условиями собственного бытия, отношения между ними не являются причинно-следственными и не подчиняются строгой детерминации. Их скорее можно представить как игру сил. Увеличение или уменьшение каждой силы, их взаимодействие, наступление-отступление демонстрируют картину реальности как сложного и динамичного социального процесса, развертывающегося и в пространстве, и в историческом времени из своеобразной сингулярной точки, которой является каждый участвующий в коммуникациях субъект. Именно поэтому современность непрерывно меняется, а ее изменение, собственно говоря, и рождает как социальное пространство, так и историю. Но начинать придется с конструирования первичной абстрактной социологической схемы, изображающей современность в ее опытном восприятии. Что именно необходимо непрерывно держать в поле зрения, говоря о таком предмете на любом уровне абстракции и обобщения?

2.

Нетрудно провести параллель между общественной жизнью людей и пассажирами в переполненном автобусе, где тоже есть и «общество», и коммуникации, и границы, обусловливающие необходимость сосуществования.

Когда новый пассажир протискивается в переполненный автобус, он преследует свою цель, ему надо занять удобное место, чтобы доехать до нужной остановки. При этом его появление в автобусе изменяет пространственную конфигурацию остальных пассажиров: кто-то подвинется, кто-то другой повернется, пропуская новичка, кто-нибудь, напротив, оттолкнет его или прижмет к креслу.

Вместе с этим меняется не только телесная конфигурация пространства, но и его «ментальное» содержание. Кто-нибудь обрадуется, увидев старого приятеля или симпатичную женщину. А кто-то рассердится из-за того, что ему заехали локтем в бок, причем сделал это не новичок, а другой пассажир, который неловко повернулся потому, что ему на ногу наступили. Причем на ногу наступил не новичок, а третий пассажир, которого стукнули портфелем. И снова это сделал не новичок, а четвертый пассажир, которого толкнули. А толкнул его уже новичок, протискиваясь в переполненный автобус.

Складывается цепочка контактов, сопровождаемых мыслями, чувствами, переживаниями, а то и словами: первый рассердившийся пассажир нашего новичка не видит, не знает и знать не желает, но конечной причиной его эмоции оказывается все-таки новичок.

В этой мешанине переживаний, обусловленной непрерывными взаимными провокациями, возникают два устойчивых представления. Они оказываются принципами, вокруг которых образуется система норм, определяющих поведение в автобусе и уже не полностью совпадающих с личностной мотивацией. Каждый пассажир поначалу обладал Я-субъективностью, сложившейся до посадки в автобус и организующей его внутренний мир. После посадки в этот личностный мир вторгается мощный фактор, поведение других пассажиров, и Я-субъективность в какой-то степени переориентируется, а ее мир изменяется.

Эти два представления осознанно или неосознанно характеризуют мировосприятие каждого пассажира и, вместе с тем, всех одновременно, от отдельного сознания они не зависят и по отношению к нему объективны. Они обусловлены требованиями, а точнее предписывающими экспектациями всей группы пассажиров как одного целого, предъявленными персонально каждому. Их нормообразующий характер гораздо сильнее перечня правил поведения пассажира, что в советских автобусах некогда вывешивали на кабине водителя. Эти правила читаются лишь тогда, когда толпа прижи-

мает к ним носом, а действительные нормы существования в автобусе предчувствуются и угадываются каждым, вне зависимости от его места в салоне.

И этих принципов всего два: пассажир и автобус.

Во-первых, каждый знает, каким должен быть пассажир. И каждый понимает, что если хочешь доехать до своей остановки, то не вертись, не толкайся, не ругайся, будь скромен и стой смирно, иначе тебя из автобуса выкинут.

Во-вторых, каждый понимает, что такое автобус данного конкретного маршрута. И если водитель, будучи свободным человеком, вместо того чтобы ехать строго по маршруту, свернет к себе на дачу, пассажиры ему сразу объяснят, что такое автобус, и куда конкретно водитель должен направляться.

3.

Образ переполненного автобуса удобен для базовой метафоры, позволяющей понять, как формируется целостная общественная жизнь из массива частных поступков, мнений и переживаний. Позволяет понять по-человечески осмысленно, а не путем теоретических интерпретаций, т.е. на самом исходном и важном уровне понимания. Понять «по-человечески» – это значит, во-первых, редуцировать абстрактную концепцию к личному опыту, найдя в самом себе ее аналогию, а во-вторых, стать субъектом ожидания *практической реализации* этой концепции и выступить источником личных экспектаций по отношению ко всем другим, с кем приходится сосуществовать, принять участие в конструировании той социальной целостности, какая потом начнет познаваться и представляться в виде абстракций.

В конце концов человеческий социум, будь то коллектив корпорации, общество страны или человечество, легко представить в виде огромной толпы, чье движение ограничено твердыми рамками морали, религии, права, хозяйства, государственных границ, природных условий или размерами планеты и где, в силу масштабов этой толпы, возникают несколько независимых друг от друга центров ее самоорганизации и упорядочения. Общество – это тоже автобус, только такой, где каждый пассажир имеет свои маршруты и конечную остановку.

Метафора автобуса позволяет понять первый важнейший факт общественной жизни: в любой устойчивой совокупности людей непременно образуются столь же устойчивые и совместные представления о ней самой и о нашем месте в этой совокупности. А между ними формируются нормы, определяющие человеческие взаимоотношения. Но как только сообщество распадается, только перестают действовать факторы, обусловливающие ее устойчивость, исчезают и представления, и нормы. Устойчивость же общества поначалу всегда определяется границами, в которых оно располагается.

4.

В межличностном экзистенциальном диалоге в рамках устойчивого пространства складывается своеобразная полифокальная социология, опытно улавливаемая в простом движении толпы и восходящая к индивидуальной жизнедеятельности составляющих толпу людей (рис. 1).

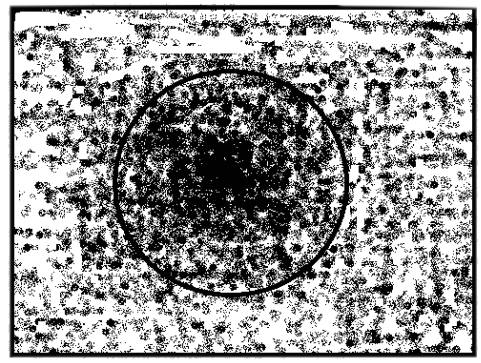

Рис. 1. Общественная жизнь, уровень опыта

Объективность общественных законов непосредственно обусловлена, по известному мнению К. Маркса и Ф. Энгельса, столкновением воль и интересов стихийно действующих индивидов и классов [2; 3]. Она напоминает объективность движения воза, который тянут в разные стороны лебедь, рак и щука. Воз при этом движется не туда, куда они хотят, а туда, где их стремления хоть в какой-то степени совпадают. Ф. Энгельс обнаружил это стихийное столкновение, непосредственно наблюдая общественную жизнь в условиях классического капитализма XIX века с минимальной степенью госрегулирования. В начале же XXI века с его транспортом и телекоммуникациями, суживающими социальное пространство настолько, что, например, Европа XIX века сегодня управляется как одна небольшая страна того времени, как какая-нибудь Бельгия, влияние субъекта управления выросло так, что, казалось бы, уже опровергает наблюдение Энгельса. Однако

социальная стихия никуда не делась, она просто ушла в сферу современности, откуда по-прежнему направляет ход общественной жизни. Только выглядит она теперь не так откровенно материалистически, как в классическом капитализме, и исследовать ее надо уже неклассическими средствами.

Действуя на основе присущих ему представлений, человек обнаруживает встречные поступки и предполагает скрытые за ними чужие взгляды. Необходимость совместного существования побуждает людей корректировать свои действия. Человек как субъект собственной жизни оказывается перед выбором: или жить ради других, или идти на некоторые уступки ради совместного бытия с другими, или отказываться от компромисса. При этом любое принятое решение тоже на поверку становится проблемой. Решиться жить ради других – значит, либо согласиться принять чужие требования и утратить себя ради партнера, либо идти на компромисс и искать способ и меру сохранения своей личности в партнерстве, либо отказаться от компромисса, а значит, или вообще выпасть из любых коммуникаций, или посчитать себя вправе ломать и давить партнеров, уничтожая их самобытность и подгоняя под свои взгляды.

Общественная жизнь существует как динамичное сочетание компромиссов и конфликтов с эскапизмом, с общественным служением и с жизнью ради других. Это полилог, в котором «Я» участвует в качестве индивидуальной и исключительной личности. «Другой» при этом воспринимается как персонификация природы и общества, его личность социальна и типична. Думается, любой психолог, изучая пациента, легко подводит его под определенный личностный тип, но никогда не может подвести под такую же типологию самого себя, во «мне» всегда находится масса характерных черт, ломающих любые классификации. Проще сказать, «Я» – это просто «Я», а личность «Другого» биологична, социальна, исторична, космична, а то и божественна. «Я» всегда текуче, не завершено и стремится найти устойчивую форму. «Другой» же определен и завершен, он – острие того клинка, который мир нацеливает на нас. «Я» – субъективен, «Другой» – объективен и инструментален, «Я» – аномичен, «Другой» же – воплощение внешне воспринимаемой чужой нормальности.

Если человек не соответствует общепринятой норме и не умеет договориться, его будут бить, и тут уже беги, отбивайся или падай на колени. А если он лишен воли к самобытию, то у него одна жизненная перспектива – перестать быть личностью и раствориться в других, исчезнуть в толпе. И при этом существование в общественной жизни, каким бы оно ни было, конфликтным ли, компромиссным, эскапистским, любым другим, непрерывно меняет личность. Достаточно посмотреть хотя бы на подростковые «тусовки».

Человек может отказаться от партнерства, замкнуться в себе и жить по известной поговорке: «Моя хата с краю». В этом случае социум в ответ игнорирует его существование, вместе с его взглядами и мнениями. Пассажиры автобуса допускают его соседство, но только в качестве «резервного» пустого места, которое пока никому не нужно, и для него есть единственная оптимальная тактика – быть незаметным. Понадобится – и его выгоняют из переполненного салона. Человек может использовать силу, и если ее достаточно, то уже он принуждает других к своему порядку и диктует маршрут. Но если же он слаб, то оказывается заявившим о себе «козлом отпущения».

Так организуется криминальное сообщество, устанавливается порядок в лагерях. На этом держится армейская «дедовщина» и феномен «хорошего сержанта – опоры армии». Истории известны целые государства, организованные полицейской силой и военной диктатурой, группирующейся вокруг «сильной личности». Но известны и такие страны, где множество самобытных личностей так или иначе, но достигли паритета друг с другом.

Чем диктатура принудительней, тем короче жизнь страны, тем легче она разваливается от малейшего потрясения, и тем труднее потом восстановить и народное хозяйство, и уничтоженный в ней потенциал личной человеческой самобытности, называемый в литературе «духом народа», «душой нации», «национальным характером» и т.д. А без личной самобытности граждан нет тех субъектов кто может выражать взгляды разных слоев и групп, вести диалог, отстаивая их право быть самими собой, договариваться и участвовать в становлении общепринятой легитимной нормы, в формировании «нормального» общества из хаотического материала толпы.

Так, легитимность любой власти придает организованная оппозиция и обоюдная способность к диалогу. Если есть организованная оппозиция, то у власти есть кого уговаривать, подкупать, убеждать, угрожать, подставлять, запугивать, объяснять, на кого сваливать свои грехи и т.д., у экзистенциального диалога на практике

много форм. Но если оппозиции нет или она не организована, то у власти есть только угрожающий гул легко возбуждающейся огромной толпы и нет никаких средств точно определить, где именно и по какой причине произойдет критическая вспышка. Оппозиция – необходимый компонент политического управления, и чем она критичнее, тем лучше.

В диалоге человеческих субъектов, в координации собственных поступков и взглядов происходит их сближение. Разные взгляды не становятся одинаковыми, так как за ними скрываются разные люди, но они интегрируются в то мозаичное целое, какое потом составляет общую социокультурную субъективность и какое представлено в сознании человека. Сам процесс диалога, ожидание и предугадывание чужой субъективности, образующиеся точки совпадения взглядов, организация коммуникационных каналов, циркуляция по этим каналам множества различных, но уже взаимно согласованных мнений является «интерсубъективностью» – сетью взаимно легитимных коммуникаций вместе с их экзистенциальным содержанием.

Интерсубъективность предпослана изначально тем фактом, что человек рождается другими и существует среди них с первого момента жизни. Уже здесь содержится возможность дальнейшей социализации, и в этом смысле Ж.-П. Сартр прав: «Я» – это «Другие». Интерсубъективность, хотя онтологически и существует только в сознаниях людей, но как продукт объективации и независимое от личных предпочтений качество человеческой социальности, она объективна. А тот ее фрагмент, за которым скрываются формирующие ее Я-субъекты, оказывается своеобразным абстрактным субъектом нормотворчества и организации, легитимным субъектом рациональности или «социокультурной парадигмой» – матрицей, по образцу которой хаос толпы превращается в устойчивое общество.

Социокультурная парадигма предметно представляет собою некий центр притяжения социальных сил, который на рис. 1 очерчен кружком, независимо от того, реален этот центр или мним. Это может быть, например, политическая власть. Но это может оказаться и простой точкой равновесия между властью и оппозицией подобно той точке, вокруг которой вращаются Земля и Луна, будучи в астрономическом смысле двойной планетой. В этой точке ничего нет, даже маленькой космической станции, но оба огромных небесных тела вращаются вокруг нее. Например, таким центром способен стать миф или «овладевшая массами идея», будь то идея коммунизма, нацизма, демократии, инопланетного захвата или конспирология «тайных всемирных правительств и заговоров». Степень совпадения власти с парадигмой – тоже показатель ее легитимности. Если не совпадает, то значит, совпадает какая-то другая идея, и тут уже остается думать и выбирать, что предпочтительней.

5.

В теории же парадигма представляет собой как бы «схему» общественной жизни, ту самую абстракцию и форму современности, о какой писалось выше. Отдельно ее можно изобразить так, как на рис. 2, ранее опубликованном в «Логике и методологии науки» [5]. Картина общественной жизни, как рисунок, статична и неизменна, в реальности она на самом деле чрезвычайно подвижна и во многом случайна. В философии Ж.Делеза и Ф.Гваттари она, например, обозначается концептом «ризома».

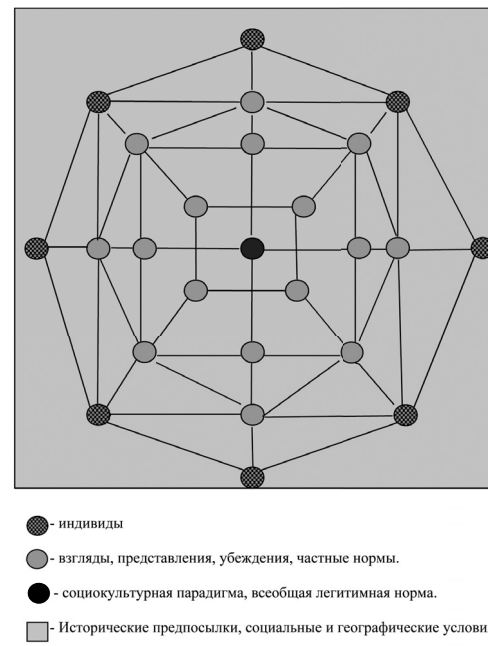

Рис. 2. Парадигма полифокальной социологии

Общество как целое складывается и существует под влиянием трех условий, которые можно считать постулатами общесоциологической теории, способной адекватно описать современную общественную жизнь в России.

1. *Я – субъекты,* упрощенно – индивиды, включая их стремление отстоять собственное право на самобытность и личную уникальность, их способность признать других такими же самобытными существами, имеющими право на существование, несмотря на свои отличия.

2. *Площадка* – ограниченное и ясно очерченное локальное пространство, в котором располагаются индивиды: государственные границы, границы культурного региона, корпорации или группы, религиозные, юридические и моральные границы, географические препятствия для переселения, природно-географические и климатические условия, ресурсы, в целом ограниченные размеры земного шара и т.д.

3. *Навязанные коммуникации* – взаимная обусловленность и экспектации, адресованные Я – субъектами, живущими на одной площадке, друг другу.

И тогда, *в любой совокупности людей, находящихся на одной площадке, непременно возникают столь же устойчивые и совместные представления и о ней самой, и о человеческом месте на ней, у каждого человека – своём.* А между ними устанавливаются коммуникации, начинается экзистенциальный полилог, в котором складывается культура общественной жизни и формируются нормы, регулирующие взаимоотношения индивидов.

При этом чем больше Я – субъектов находятся на одной площадке, тем более навязанными являются коммуникации между ними, тем активнее они разрушают субъективность одних и побуждают других к все более энергичной защите своей свободы и своих прав. Но стоит границам площадки исчезнуть, вместе с ними исчезают и коммуникации, и нормы, представления устаревают и уходят в прошлое, и сообщество распадается.

Всё остальное: климатические особенности, состав природных ресурсов, исторические предпосылки и ранее сложившиеся традиции, отношения общества с его соседями и т.д. играет огромную роль для определения своеобразия этого сообщества, *но только через Я – субъекты и их активность.* А для того чтобы общество появилось, думается, достаточно названных трех условий. При их наличии возможно одно из двух: либо острый межиндивидный конфликт, ведущий в конце концов к гибели всех его участников (тогда и о социуме говорить не приходится), либо же они все-таки найдут способ «притереться» друг к другу и существовать совместно, образуя социум. Так появляются трудовые коллективы, поселенческие общности, криминальные группировки, нации и т.д.

В реальности конфликт, сосуществование и конформизм как три ориентира человеческой жизнедеятельности трудно разделимы, из-за чего при любых социальных изменениях некоторая часть населения подвергается остракизму, тем большая часть, чем кардинальнее и глубже перемены. Новое общество создается субъектами, а те, кто отказывается от субъективности во имя сиюминутного благополучия, отвергаются. Новое общество – не для них.

Чем многочисленнее общество, тем больше оно структурируется достигнутыми соглашениями, образуя устойчивые коммуникации и вторичные социумы, кластеры, группы, слои или, по марксистской терминологии, классы. Они заняты разными делами, благодаря той комплементарности, какая давно названа «разделением труда», они по-разному обеспечены и приспособлены к жизни, у них разные взгляды и способы существования. Но главное, чтобы индивиды и социумы достигали и поддерживали жизнеобеспечивающую меру комплементарности, то есть были нужны друг другу и не теряли при этом собственного лица.

6.

Думается, что за классической парадигмой субъект-объектных отношений, лежащей в основе многочисленных теорий как формации, так и цивилизации скрываются именно Я – субъекты и площадка. Полилог между Я – субъектами формирует *вторичных* социальных и институциональных субъектов, теоретически представляемых как разного рода социумы от коллектива до народа и нации, и как различные институты от небольшого организованного предприятия или общественного объединения до государства. А на предельном уровне абстракции появляются философемы Высшей Духовности и столь же абсолютной материальности Мироздания, философских субъекта и объекта. Однако важно учитывать то обстоятельство, что в основе любых субъективистских или объективистских абстракций и теорий находятся, говоря языком К. Маркса, «действительные индивиды и условия», то есть Я – субъекты, и ограниченная площадка, на которой они живут. В их совместном поиске способов сосуществования складываются представления о глобальной субъективности или объективности их мироустройства, а потом

через нормы и коммуникации они возвращаются назад к индивидам, формируя их личность, культуру и цивилизованность.

Благодаря такому механизму в обществе появляются уже не просто классы или абстрактные социумы, а ясно очерченные *«социальные миры»*, нечто вроде корпораций со своей организацией, образом жизни и ценностями: город, армия, правоохранительная система, спортивные общества, система образования, церковь, предприятия, государственная бюрократия, политические партии, формальные и неформальные общественные объединения, союзы и т.д. Это уже не просто социальные сферы, выполняющие общественно признанные функции, но сферы, организованные и скрепленные собственными коммуникациями, развитой или неразвитой институцией и населенные своими «жителями». Каждый социальный мир старается вырастить у себя все структуры, необходимые для максимально достижимой самообусловленности, то есть, для свободы, создают собственную экономику путем договоров, союзов, а то и строительства или захвата производства, проводят свою политику, развивают собственные системы образования и воспитания, сам поддерживает внутри себя порядок и т.д.

Социальный мир становится своеобразным вторичным «социальным организмом» со своей культурой, целями, ценностями и личностными типами и с собственными социокультурными субъектом и объектом в основе. Лишь тогда он способен к самостоятельной практике и может существовать. А общество в этом случае состоит из более-менее институциализированных и частично автономных социальных миров, взаимодействующих мини-обществ или коллективов, групп и входящих в них индивидов. И тогда общественная жизнь становится полилогом социальных миров и социокультурных субъектов, а их взаимоотношения, так же стремятся либо к конфликту, либо к комплементарности, носителями которых являются все-таки не сами социокультурные субъекты, а представляющие и выражающие их индивиды.

И в то же время социальный мир –это не мир-экономика Ф. Броделя и не мир-система И. Валлерстайна. Их подходы нацелены на макроанализ, в то время как социальный мир характеризует больше микроуровень общественной жизни, и способен переходить к макроуровню только через взаимоотношения конкретных социальных миров, пошагово выстраивая их иерархию снизу доверху. Они прежде всего локальны (поселенческое общество) и интертерриториальны, пересекаются друг с другом (правоохранительная система, транснациональные корпорации, Министерство путей сообщения, политические партии, криминальные сообщества). В их основе находится необходимость индивидов сосуществовать, сохраняя личную самобытность и по-прежнему идентифицируя себя как «Я».

Макроуровень здесь образуется в результате хаотического взаимодействия множества индивидов и социальных миров и самоорганизации путем выработки однотипных норм и правил и создания все более крупных аттракторов, где по-прежнему действуют отношения компромиссов и конфликтов, только в рамках принятых и легитимных норм. Социальная система формируется не сверху вниз, а наоборот, снизу вверх, от разнообразия индивидов, органы власти в ней не выше исполнителя, а по соседству с ним. Они, безусловно, вносят коррективы в общественную жизнь, по мере их становления, но они не способны строить общества, так как не способны создавать людей. Их попытка строительства – всегда оборачивается социальной селекцией, устранением из общественной жизни неугодных.

8.

Социальный мир образуется в ходе горизонтального или вертикального полилога – взаимоотношений субъектов друг с другом или, например, власти с населением. Это не абстрактное, а вполне конкретное пространство, населенное индивидами, принявшими его нормы жизни. Полноценными индивидами, а не просто работниками, нуждающимися во всем, в чем нуждаются живые люди. Отсюда этот мир, например, церковь или всевозможные госслужбы, вынужден своими силами создавать всё, необходимое для жизни, как это делали в СССР социальные миры Академии наук или, скажем, Миннефтегаза, строившие целые города с жилыми комплексами, школами и больницами. Или ему приходится вступать в комплексные и многоаспектные отношения с другими мирами, создающими необходимое, осваивать их и либо подчинять, либо достигать комплементарности. Например, власть нередко использует политический и коррупционный ресурсы в отношениях с другими мирами, криминальное сообщество использует силовой ресурс и т.д., хотя отношения могут быть и моральными, и правовыми.

В большом социуме, в обществе сложность социальных связей приводит к от-

носительной автономии ряда социальных миров. Из-за этого любое общество отличается склонностью к созданию целого ряда центров, задающих свои парадигмы и остро конкурирующих друг с другом. Так, хозяйственные предприятия со своей экономикой, политические партии с их идеологией, госучреждения с иерархией, церковь с традицией и обрядом, армия с уставом, правоохранительные органы и т.д., каждый стремится поставить себя во главе всей социальной системы. Каждый хочет положить в ее основу и свои интересы, и собственный тип организации. Завод заинтересован в прибыли и рассматривает всё общество как потенциальных работников, конкурентов, смежников и потребителей. Партии необходима цель, ясная и привлекательная для масс и политическая организация народа вокруг цели. Силовым структурам требуется беспрекословное подчинение исполнителя воле начальника, а человека на улице – воле остановившего его полицейского, городской власти нужна максимальная автономия от центра и одновременно возможность использовать его ресурсы и т.д.

В период расцвета цивилизации разные миры тесно взаимодействуют и их парадигмы интегрируются, но в условиях межвременья они расходятся и вступают друг с другом в борьбу. И тогда силовики, госчиновники и партии стараются подчинить себе, например, предприятия как единственных производителей материальных благ и основной источник дохода, а те, в свою очередь, норовят подкупить полицию, чтоб использовать ее как инструмент конкуренции, или партию для создания лобби в парламенте, или чиновников. Кто из них в реальности победит, тот и создаст облик будущей цивилизации.

Множество центров, полифокальность общественной жизни в межцивилизационные времена распространяется не только на отношения между социумами или институтами, но и между освоенными и заселенными территориями, тоже выступающими в качестве социальных миров. На них складываются относительно самостоятельные социально-территориальные организмы, стремящиеся к максимально возможной автономии. Распад цивилизаций всегда чреват распадом стран и их геополитической перестройкой. Наиболее успешные территории демонстрируют свои способы эволюции и становятся антикризисными центрами со своей идеологией, борьба между которыми может доходить до накала гражданских войн: Париж и Вандея во Франции XVIII в., Север и Юг в США XIX в., Петербург и Омск в России эпохи гражданской войны, Москва, тюменские нефтегазовые округа, Калининградская область, Северный Кавказ, Дальний Восток, Забайкалье в России конца XX и начала XXI века.

9.

Таким образом, получается, что в основе общественной жизни всегда находится самоорганизация Я – субъектов в жестких рамках площадок. При этом каждый Я – субъект сохраняет право выбора своей жизненной траектории. Он верующий или атеист, убежденный националист или интернационалист, сторонник диктатуры или демократ, фанатик рок-звезд или футбола, и он вынужден одновременно участвовать в общественной жизнедеятельности на целом спектре площадок разного типа и уровня от поселенческого до государственного, от научного до религиозного, от экономического до художественного. Своего самоопределения на разных площадках ему не избежать, однако у него сохраняется свобода выбирать конкретные площадки или создавать свои собственные и определять их приоритетность для себя. Он вправе участвовать в качестве активного субъекта на одних площадках и предпочесть конформизм и пассивность на других.

Создавая нормы и ценности в одном социальном мире, он может отказаться делать это в другом. Ученый не обязан быть художником, профессор – бизнесменом или чиновником, а священник – политиком. Более того, чем теснее каждый из нас связан с какой-то группой социальных миров, тем менее он способен быть субъектом в других мирах, где он в лучшем случае занимает оборонительную позицию. Социальные миры наполняются людьми только соответствующего им характера и морали, комплементарной с их базовыми ценностями, они попросту формируют нужные им типы личности. Так, если моральной нормой христианского священника является любовь, а моральной нормой политика – цинизм, то священник-политик рождает оксюморон циничной любви и любовного цинизма.

Социальный мир неразрывен с людьми, достигшими именно в нем комплементарного согласия. А следовательно, органичная для любого Я – субъекта свобода созвучна с автономией социального мира. Характерная же для межвременья персонификация индивидов оборачивается усилением автономии социальных миров и их распадом, когда связь между ними обрастает все большим числом степеней свободы, все большей неопределенностью и непредсказуемостью их поведения и все меньшей легитимностью друг для

друга, вплоть до тех пор, пока не разрывается окончательно в социальном взрыве, распаде и деградации.

* * *

Классические теории, описывающие общество как социальное целое, когда-то, как и у Маркса с Энгельсом, опирались на современность и работали вполне удовлетворительно. Однако современность с тех пор изменилась. Новое вино не вольешь в старые мехи, или мехи прохудятся, или вино испортится. Изменившаяся современность требует построения новых теорий и существенного видоизменения старых. Невозможно анализировать XXI век средствами, разработанными для исследований века XIX. Надо возвращаться к единственному, что не менялось веками, к полифокальной парадигме современности и изучать новые, ранее не замеченные ее возможности, чтобы наметить новые легитимные перспективы.

1. Козловский В.В. Фигуративная социология Норберта Элиаса. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3. № 3. С. 40–59.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. // Т. 40. М.: Изд-во полит. литер., 1975. С. XIX.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Деньги как средство обращения. // Сочинения. Т. 46. Ч.1. М.: Изд-во полит. литер., 1968.
4. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
5. Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Модерн и пластичность. // Социум и власть, 2012, № 6. С. 5–12.
6. Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерий современности. // Социум и власть, 2013, № 1. С. 5–15.
7. Павлов А.В. Логика и методология науки. Современное гуманитарное познание и его перспективы. // М.: Флинта; М.: Наука, 2010.
8. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб.: Университетская книга, 2001.

1. Kozlovski. V.V. Figurativnaja sociologija Norberta Jeliasa. // Zhurnal so-ciologii i social'noj antropologii. 2000. T. 3. № 3. S. 40–59.
2. Marks K., Jengel's F. Sochinenija. // T. 40. M.: Izd-vo polit. liter., 1975. S. XIX.
3. Marks K., Jengel's F. Den'gi kak sredstvo obrashhenija. // Sochinenija. T. 46. Ch.1.
4. Mol' A. Sociodinamika kul'tury. M., 1973.
5. Pavlov A.V. Zametki o sovremennosti i sub#ektivnosti. Modern i plas-tichnost'. // Socium i vlast', 2012, № 6. S. 5–12.
6. Pavlov A.V. Zametki o sovremennosti i sub#ektivnosti. Kriterij sovre-mennosti. // Socium i vlast', 2013, № 1. S. 5–15.
7. Pavlov A.V. Logika i metodologija nauki. Sovremennoe gumanitar-noe poznanie i ego perspektivy. // M.: Flinta; M.: Nauka, 2010.
8. Jelias N. O processe civilizacii. Sociogeneticheskie i psihoge-neticheskie issledovanija. M.; SPb.: Universitetskaja kniga, 2001.

UDC 167

POLYFOCAL SOCIOLOGY OF MODERNITY

Pavlov Aleksandr Valentinovich,
Tyumen State University,
Chair of Philosophy,
Doctor of Science (Philosophy),
professor
Tyumen, Russia
E-mail: av-pavlov@mail.ru

Annotation
The article outlines the paradigm of social philosophy and sociological theory of modernity that is used as methodological basis for social research in Russia.

Key concepts:
polyfocal paradigm, I-subject, ground, compulsory communication, public life, social world.